Карикатура. Михаил Златковский

Были ли гайдаровские реформы безальтернативными?

Двадцать лет рыночного реформирования принесли разочарование в его результатах. Но официальная пропаганда продолжает внушать нам: таков был единственно возможный выбор, надо терпеть. Так ли это? Конечно, история не знает сослагательного наклонения и совершившегося не исправить. Но 20 лет назад страна могла выбрать и другой путь. Да и потом, когда усиливалось ощущение, что заблудились, не поздно было вернуться на правильную тропу. Россияне, как известно, сильны задним умом. Но на сей раз он нам отказал, и мы упрямо шагали навстречу гибели, не желая извлечь уроки из допущенных ошибок.

Мне довелось быть свидетелем и участником того поворотного этапа нашей истории. О тех мерах, которые сегодня все настойчивее предлагают для исправления неолиберального курса, в конце 1980-х — начале 1990-х годов уже говорили ученые, специалисты, общественные деятели — и в прессе, и в обращениях к главам государства. Тогда несогласных с шоковой терапией не слушали, обвиняли в ретроградстве, отстраняли от участия в политике. Достаточно вспомнить главу Госимущества, вице-премьера РФ В.П. Полеванова, отстраненного в январе 1995 г. от должности после трех месяцев пребывания на своем посту за оценку первого этапа приватизации как «крупнейшего в истории России разбазаривания государственной собственности». Сегодняшняя ситуация, казалась бы, подтверждает правоту оппонентов. Однако вместо признания этого мы слышим дифирамбы в адрес отцов — основателей российского дикого капитализма, а не тех, кто предупреждал об опасностях предпринятого эксперимента.

Попробуем заглянуть в прошлое, чтобы ответить на вопрос: почему у других получилось, а Россия споткнулась и никак не может одуматься и найти выход из тяжелого кризиса?

Понимание важности рыночных начал в нашей экономике, как мне кажется, созрело у М.С. Горбачева в 1997 г. во время подготовки к июньскому пленуму ЦК КПСС, посвященному коренной перестройке управления экономикой. Но у него еще не было отчетливого плана действий. Накануне пленума он провел узкое совещание с рядом партийных руководителей, на которое были приглашены и ученые. Присутствовал и председатель Совмина Н.И. Рыжков. Мне первому предоставили слово. Я только что вернулся из Китая, где в течение трех недель изучал десятилетний опыт китайских реформ, принесших впечатляющие результаты. Центральная мысль моего выступления сводилась к тому, что начинать реформы нужно с сельского хозяйства,

Богомолов Олег Тимофеевич — заведующий кафедрой мировой экономики Института новой экономики Государственного университета управления, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, профессор, академик РАН.

с введения рыночных отношений между городом и деревней, с поощрения создания на селе мелкой и средней промышленности. Эта сфера наиболее отзывчива к рыночным стимулам и отдача наступит быстро, улучшится положение на внутреннем рынке и жизнь людей. Показательно, что в Венгрии, с приходом в 1956 г. к власти Я. Кадара, перевели на рыночные отношения обмен между городом и деревней и добились успеха.

Мое предложение не нашло отклика, и лишь много позже Михаил Сергеевич высказал сожаление, что не воспользовался им. Многие видные ученые выступали на этом совещании. Академики Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, Г.А. Арбатов, Т.И. Заславская говорили о коренной реформе хозяйственного механизма как единственно возможном средстве решения назревших проблем. Состоявшийся вскоре пленум поставил задачу проведения таких реформ, но идеологические догмы, довлевшие над сознанием партийно-государственного истеблишмента, тормозили их реализацию.

Потребовались политические реформы, избрание Съезда народных депутатов, чтобы придать импульс рыночным преобразованиям. После первого заседания Съезда в мае 1989 г. в правительстве развернулась работа над планом таких реформ. Комиссию по его подготовке возглавил академик Л.И. Абалкин. Появилось ощущение, что лед тронулся и появился шанс наверстать упущенное в деле стабилизации и реформирования экономики. Определенной вехой на этом пути стала Всесоюзная конференция по проблемам радикальной экономической реформы в ноябре 1989 г. [1]. С основным докладом выступил академик Л.И. Абалкин, который рассмотрел три варианта ее проведения: эволюционный, медленными шажками к намеченной цели; ультралиберальный с единовременным устранением контроля над ценами, торговлей, а также проведением форсированной приватизации госсобственности; и, наконец, умеренно радикальный, предусматривающий ускорение рыночных преобразований при сохранении государственного контроля за командными высотами экономики. Проверка шокового варианта на экономико-математических моделях, по словам докладчика, показала его пагубный характер для экономики и уровня жизни населения. Поэтому выбор следует сделать в пользу умеренно радикального варианта.

Россияне, как известно, сильны задним умом. Но на сей раз он нам отказал, и мы упрямо шагали навстречу гибели, не желая извлечь уроки из допущенных ошибок.

Я выступил на конференции и поддержал Л.И. Абалкина. Моя речь сводилась к призыву переходить от дискуссий к действиям. Я, в частности, сказал: опираясь на мировой опыт проведения аналогичных реформ и мировой опыт функционирования рыночной экономики под определенным контролем государства, пора сделать политический выбор и начать осуществлять реформы, взяв на себя ответственность за результаты.

На II Съезде народных депутатов в конце декабря 1989 г. правительство представило программу экономической реформы в ее скорее умеренном, чем радикальном варианте. Съезд принял тремя четвертями голосов резолюцию «О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке тринадцатого пятилетнего плана». На фоне стремительно ухудшавшейся ситуации в стране она не оправдывала ожидания ни Горбачева, ни населения. Прежде всего по той причине, что не предусматривала достаточных мер, которые бы позволили в ближайшее время переломить негативные тенденции в развитии экономики, а именно сокращение потребления населением, нарастание инфляции, развал потребительского рынка, падение морали и дисциплины, рост преступности. Другими словами, она не давала надежды, что принимаемые меры начнут работать [2].

Как можно было ожидать, постановление оказалось очередной декларацией, очень быстро перечеркнутой жизнью. Отношение к предстоящей реформе у политической элиты было разным. Одна ее часть, настроенная радикально, настаивала на быстром (за год-полтора) переходе к рынку, другая предостерегала от всякого радикализма и необдуманных шагов, противодействовала даже умеренным мерам по развитию рыночных отношений и допущению частной собственности. В отличие от правительственной концепции поэтапного проведения рыночной реформы одновременно во всех звеньях экономики я считал возможным приступать к реформам вначале в избранных сферах, там, где рыночные отношения способны быстро улучшить дело, не перестраивая сразу всего остального. Мне казался неубедительным аргумент рыночных фундаменталистов, что нельзя быть немного беременным рынком: либо командно-административная, либо рыночная экономика, но не то и другое вместе. Ведь в Китае уживаются оба эти начала [3].

Столкновение взглядов среди ученых и политиков, расхождение позиций высших руководителей тормозило проведение экономической реформы и приня-

тие самых неотложных мер. Экономисты — члены Академии наук вовсе не ратовали за безбрежные рыночные свободы, понимая, что особенно в переходный период необходимо сильное, влиятельное государство, способное предотвращать формирование диких, уродливых, антисоциальных и аморальных рыночных отношений. Им представлялся крайне опасным либеральный лозунг ухода государства из экономики и бизнеса. Но и попытки возведения рыночных декораций, за которыми скрывается старая административная система, были не менее опасны в условиях приближающегося обвала. К сожалению, с учеными наши тогдашние (как и сегодняшние) руководители не очень считались. Именно поэтому в обстановке обостряющегося экономического кризиса и беспомощности властей покинули Горбачева его соратники и советники, экономисты рыночной ориентации — академики Н.Я. Петраков и С.С. Шаталин.

Никакие возражения не принимались в расчет командой Ельцина — Гайдара, и шок был положен в основу реформаторских действий.

В предгрозовом 1991 г. было уже не до серьезных рыночных преобразований. На карту была поставлена судьба Советского Союза. Провал августовского путча перечеркнул имевшиеся планы и возможность сохранить единый народнохозяйственный комплекс и союзные политические структуры. Начался распад страны. Республики сбрасывали имевшиеся у них рубли в Россию, вывозя к себе все, что только можно было приобрести, некоторые уже готовились ввести свои национальные деньги. В этой обстановке неопределенности и нарастающего хаоса Ельцин уехал из Москвы отдыхать на юг и был недоступен даже для вице-президента Руцкого. «На хозяйстве» в России был оставлен государственный секретарь Бурбулис. Между тем медлить с принятием неотложных мер по стабилизации политической и экономической ситуации было нельзя. Об этом ставили вопрос перед Бурбулисом члены Консультативного совета при российском президенте, предлагая собраться и обсудить такие меры. В совет входили: Г.А. Арбатов, О.Т. Богомолов, Ю.Ю. Болдырев, П.Г. Бунич, Д.А. Волкогонов, Д.А. Гранин, Т.И. Заславская, М.А. Захаров, Ю.Ф. Карякин, Г.Х. Попов, Ю.А. Рыжов, А.А. Собчак, В.Т. Тихонов, С.Н. Федоров, Н.П. Шмелев, Е.В. Яковлев и др. Как потом выяснилось, Бурбулис втайне от нас уже принял решение. Он пригласил на правительственную дачу группу молодых научных сотрудников во главе с Е. Гайдаром и А. Чубайсом, которые должны были подготовить шоковую реформу. Ее ядро составляли ленинградцы и москвичи, выходцы из неолиберальной «тусовки», к которой затем присоединились П. Авен, А. Илларионов, А. Кох, А. Нечаев, А. Шохин. Случайно, а скорее неслучайно, судьба экономики России оказалась в руках амбициозной молодежи, ориентировавшейся на западную модель жизнеустройства. Эти молодые люди в дальнейшем преуспели, став состоятельными и влиятельными представителями нового правящего класса.

Возвратившись из отпуска, Ельцин быстро проникся идеями радикальной рыночной реформы. Решительные, часто необдуманные действия отвечали его натуре. На заседании своего Консультативного совета он говорил о мерах, которые будут приняты начиная с 1 января 1992 г. с целью либерализации цен и торговли, приватизации госсобственности. Мы высказали большую озабоченность тем, что это неминуемо повлечет сильный всплеск инфляции, потерю населением своих накоплений в сберкассах и государственных облигациях, неконтролируемый рост зарплаты. Он слушал, не возражая. Многие из нас после заседания прониклись большой тревогой за будущее страны.

Предчувствуя огромный риск затеваемых реформ, Е.В. Яковлев, тогдашний председатель Гостелерадио, устроил мне и академику Н.П. Шмелеву встречу с Е. Гайдаром с тем, чтобы мы попытались его урезонить. Она состоялась в ноябре 1991 г. в редакции «Московских новостей». Е. Гайдар пришел на встречу со своим папой, который активно защищал сына от нашей критики, а тот по большей части снисходительно улыбался, не утруждая себя возражениями.

В первую неделю января 1992 г. у меня взял интервью корреспондент немецкого журнала «Шпигель» относительно перспектив реформы. Оно было опубликовано на следующей неделе [4]. В интервью я говорил, что мы, подобно подопытным кроликам, оказались перед лицом очередного опасного эксперимента. Газета «За рубежом» напечатала русский перевод интервью под заголовком «Мы все ждем чуда, его не будет» [5]. Мои высказывания, видимо, задели Ельцина, потому что он в одном из выступлений подчеркнул, что политика радикальной рыночной реформы не является экспериментом, а основывается на научных знаниях.

Е.В. Яковлев считал, что правительство не должно себя вести как религиозная секта, отгородившись от инаковерующих и не желая вступать с ними в диалог. По его инициативе 18 января 1992 г. состоялось обсуждение реформы в Доме журналистов. В нем приняли участие Е. Гайдар, Г. Бурбулис, М. Полторанин, П. Авен, А. Нечаев, А. Шохин и другие, а также их оп-

поненты Е. Яковлев, Н. Петраков, С. Шаталин, Г. Явлинский, О. Лацис, Ю. Черниченко. Первым выступил Гайдар, поведав нам, что все идет по плану. Тем не менее первые тревожные последствия «шоковой терапии», свидетельствовавшие о том, что *все идет далеко не по плану*, побудили ученых Отделения экономики Академии наук направить в правительство доклады с предложениями альтернативных решений. С этих позиций я выступал и в Доме журналистов, и, дискутируя с Чубайсом и Авеном, на Всемирном экономическом форуме в Давосе в начале февраля 1992 г., а также несколько позднее на слушаниях в Верховном Совете России в присутствии министра Нечаева и в актовом зале МГУ перед тысячной аудиторией на конгрессе Международной экономической ассоциации. В отличие от оптимистичного вступительного слова Гайдара мой доклад назывался «Рыночная трансформация в России: все еще неопределенные перспективы» [6].

Мое понимание альтернативного подхода к реформе отражает опубликованное 18 лет тому назад, в мае 1993 г., интервью в журнале НИИ управления [7]. Я хочу воспроизвести его, потому что затронутые в нем вопросы сегодня не менее актуальны, чем тогда.

«— Как возникали и готовились наши радикальные реформы?

— При подготовке реформ был, конечно, большой элемент спонтанности. Вспомните первые послеавгустовские дни: эйфорию от разгрома путчистов, надежды на быстрые перемены. Однако несколько неожиданно президент на какое-то время оказался вне досягаемости — уехал отдыхать. А тем временем его помощники начали активно действовать, пытаясь создать программу, которая была бы очень радикальной, конкретной и притом дала бы понятные для населения и быстрые результаты. Но превалировало надо всем, я думаю, желание продемонстрировать решительность в проведении преобразований. Ведь предыдущее руководство во главе с М.С. Горбачевым как раз критиковалось за медлительность, половинчатость, неспособность к радикальным действиям. Второе соображение, которое было тогда в умах авторов реформ, заключалось в том, что надо воспользоваться моментом морального подъема в обществе. Реформа, по их понятиям, требовала больших жертв от населения, существенного снижения жизненного уровня, и надо было действовать, пока люди еще не остыли. Конечно, тут уже не до советов с наукой. К тому же люди, входившие в команду по подготовке реформ, считали себя профессионалами и желания советоваться не испытывали. Исходя из их миропонимания, и складывался план реформ.

В общих чертах имелся в виду опыт перехода к рынку в странах Восточной Европы. Но во внимание принималась прежде всего одна его сторона — товарное изобилие на прилавках. Причем в очень упрощенном виде: либерализовали зарплату, отпустили на свободу цены — и все появилось. А то, что чуть ли не большинство людей этим вытолкнули из очередей, — это уже вопрос второй. Важно, что есть реальный эффект. Вот этим желанием поскорее выйти на какой-то зримый результат и объяснялись, я думаю, поспешность, „решительность“ и, конечно, непродуманность очень многих шагов. Для специалистов, несомненно, важно было бы прежде всего выяснить все позитивные и негативные стороны восточноевропейского, китайского опыта; обязательно учесть специфику наших условий и прежде всего ситуацию, вызванную разрушением единого хозяйственного пространства бывшего СССР, неоднородность самой России как в плане национально-этническом, так и с точки зрения территориального размещения производительных сил. А особенности военно-промышленного комплекса? В этом смысле наша страна ни с какой Польшей сравнима быть не может. Впрочем, как и во многом другом.

Но обо всем этом мало думали или совсем не думали. Следовали принципу, который произносился вслух: главное — сильнее рубить, а с какого конца начинать — не важно.

— Оппоненты Ельцина — Гайдара утверждают, что реформу можно было проводить без снижения жизненного уровня населения. Насколько эта точка зрения, на Ваш взгляд, справедлива и подтверждается мировым опытом?

— Сам по себе переход от системы тоталитарной к системе рыночной беспрецедентен. И в то же время нельзя воспроизвести условия естественного исторического процесса, который в течение многих столетий вел капиталистические страны к их современному состоянию. Поэтому в качестве одной из главных возникает проблема создания рыночной инфраструктуры.

Обычно каждый, кто в первый раз попадает на Запад, поражается обилию банков. И у меня в свое время было такое впечатление: на каждом углу — филиал какого-либо банка. Улицы наших городов являют в этом смысле своеобразную противоположность. У нас на каждом шагу то один трест или главк, то другой — кругом ведь всегда были только эти вывески. Это и была наша командно-управленческая инфраструктура. В новых условиях она становится излишней и нужна другая, построенная на кредитно-финансовом механизме, посреднических услугах. Причем зарубежные банки, разумеется, просто так кредиты не дают. В каждом случае досконально изучается объект кредитования, надежность соответствующих предпринимательских программ. Для этого все крупные банки имеют исследовательские отделы, собственных или привлеченных экспертов по социальным, отраслевым и другим проблемам.

Вместе с тем обилие банков заставляет их, конкурируя между собой, идти на риск в поддержке предпринимательства. В результате наиболее эффективные и талантливые начинания получают зеленый свет. В сомнительных случаях объект кредитования изучается с точки зрения возвратности средств, надежности соответствующих предпринимательских программ. Причем банки срастаются с промышленными компаниями, и это в результате дает ту эффективность общественного производства, которую мы у них наблюдаем.

У нас же ничего похожего не было. Я уж не говорю о закупочной и сбытовой системе, прежде всего в сельском хозяйстве. Ну, хорошо, создали частного товаропроизводителя, семейные фермы появились, кооперативы и тому подобное. Но куда они свою продукцию сбудут? Ведь не повезут же на городской рынок. Основная масса сельскохозяйственной продукции должна идти в переработку. А перерабатывающие мощности были государственной монополией, причем их всегда не хватало.

Еще одним важнейшим элементом рыночной инфраструктуры является страховая система, которая защищает вложенный капитал. Например, сельскохозяйственное производство очень подвержено сезонным колебаниям, беззащитно перед природно-климатическими явлениями. Вне хорошо организованной системы страхования оно эффективно развиваться не может. Большую роль для реализации продукции по гарантированным ценам или для приобретения ресурсов будущего производственного цикла по заранее установленной цене играют фьючерсные сделки.

Необходимо провести демонополизацию экономики, сформировать во всех отношениях нормальную конкурентную среду; без этого создание социально ориентированной рыночной экономики невозможно. Для построения рыночной инфраструктуры необходимо усилить общественную направленность приватизации. На кого в первую очередь она должна начать работать? На широкий круг граждан? А может быть, на промышленный или на торгово-спекулятивный капитал? Налоговый механизм нужно было задействовать таким образом, чтобы он не просто казну пополнял, но и стимулировал определенные сектора экономики.

Наконец, оформлять все перечисленные элементы рынка должна нормативно-законодательная база. Права и обязанности хозяйствующих субъектов, в том числе иностранных, требуют четкого определения и соответствия международным правилам и стандартам.

Ничего этого не было у нас осенью 1991 г., но, в общем, тот факт, что нужно такую рыночную структуру создавать, всеми осознавался. Здесь не было ни у кого разногласий. Именно об этом говорил и опыт стран Восточной Европы.

Но вот вопрос последовательности и конкретного содержания мероприятий по формированию рынка сразу же вышел на первый план. По этому поводу с самого начала расходились суждения специалистов и общественности. Мы начали, во-первых, не с того конца и, во-вторых, выбрали вариант единовременного, одним махом, решения проблем рыночного перехода, что на практике не только трудно осуществимо, но и разрушительно.

Два подхода к проведению рыночных преобразований выявились на опыте стран, которые раньше нас встали на этот путь.

Постепенное введение рыночных отношений в Венгрии и Китае дало результаты весьма впечатляющие. Венгрия идет к своей цели около двух десятилетий, последовательно, мирно разрешая острые политические коллизии, внедряет рыночные принципы хозяйствования. Почти то же самое можно сказать и о Китае, который достиг больших успехов, также двигаясь поэтапно, развивая рыночные отношения первоначально в аграрной сфере, а затем перенося их в промышленность.

Если условно назвать такой путь градуализмом, то второй — та самая шокотерапия, когда переход происходит более или менее единовременно, особенно в том, что касается высвобождения из-под государственного контроля цен и заработной платы. И к приватизации здесь другой подход. Конечно, единовременно ее ни при каком варианте провести невозможно. Но можно спланировать на ряд лет, увязав с другими мероприятиями постепенного перехода, или, как у нас, — проводить обвальную приватизацию, стремясь побыстрее сбросить с государственного плеча все дополнительные заботы о предприятиях. Пусть их коллективы сами выкарабкиваются.

Теперь что касается самой последовательности действий. Либерализация цен у нас осуществлялась в условиях, когда заранее было известно, что никакой конкуренции не будет, промышленность монополизирована и если заменить государственную монополию частной, то частная будет еще хуже, чем государственная. Еще в 1989 г. союзное правительство разрабатывало варианты перехода к рынку, и уже тогда был отвергнут вариант шокотерапии, поскольку научный анализ убедительно показывал, что это приведет к гигантскому падению производства, обнищанию людей и гиперинфляции. Все это было еще в то время хорошо известно: спрогнозировано, просчитано на экономико-математических моделях. На другом краю находился, так сказать, декоративный вариант реформ, тоже непригодный, при котором под видимостью действий скрывалось сохранение старого способа производства. Поэтому тогда и был принят за основу умеренно радикальный путь. И теперь практика полностью подтвердила те оценки.

— Любой подвергающийся шоку организм оказывается глубоко и надолго травмированным. Не кажется ли Вам, что шокотерапия ведет к тому подавленному общественному состоянию, которое само по себе становится тормозом развития?

— Я готов согласиться с вами — социальная сторона просто игнорировалась. Наверное, все помнят неоднократные

выступления по телевидению людей, так сказать, из команды Ельцина — Гайдара, например, того же Бурбулиса. Говорилось, что предпринимается необходимая для общества хирургическая операция: дескать, да, больному больно, он кричит, но иначе, видите ли, нельзя, и потом наступит скорое выздоровление. Я не раз спрашивал их: ладно, вы заявляете себя такими умелыми хирургами, но вы когда-нибудь что-либо подобное делали? Оказывается, не делали. И чтобы оправдать отсутствие такого опыта, в качестве аргументов пускались всякие поговорки: „пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка", „не рубят собаке хвост по частям" и прочее в этом роде. Возможно, такие аргументы играют роль при обсуждении бытовых вопросов, но нельзя же это переносить на сложные общественные явления. Тем не менее никакие возражения не принимались в расчет, и шок был положен в основу реформаторских действий. Надо сразу отметить, что ссылки на аналогичные приемы в странах Восточной Европы не совсем корректны, поскольку государственный контроль за ценами, как я уже сказал, и в Польше, и в особенности в Чехословакии был значительно больше. И поскольку на польский опыт перехода к рынку в правительственных кругах ссылаются очень часто, надо остановиться на некоторых важных его деталях.

Прежде всего там изначально существовали элементы частнопредпринимательской деятельности. В сельском хозяйстве независимый товаропроизводитель всегда был, его не требовалось заново создавать. И цены на сельскохозяйственную продукцию частично были отпущены еще при правительстве Раковского, то есть на много месяцев раньше, чем на все остальное. Следует также вспомнить, что сельскохозяйственное производство в Польше всегда давало продукции на душу населения гораздо больше, чем у нас, то есть проблема питания для людей никогда не стояла так остро, и социальные последствия окончательной либерализации цен не были столь рискованными и опасными, как в России.

Далее, в Польше существовал очень большой частный сектор в сфере розничной торговли, развивалось частное ремесло. Монополизация и милитаризация промышленности намного уступали нашей. Еще одно очень существенное отличие: на начало реформы в польских банках лежало около 5 млрд долл. индивидуальных вкладов. Эта сумма образовалась, в частности, и за счет переводов от родственников из польской эмиграции. Многие поляки выезжали на Запад на заработки. Польские банки давали хороший процент по вкладам, и вот накопилась значительная сумма, которая сыграла очень важную буферную роль. Правительство получило возможность сразу ввести фиксированный курс злотого к доллару, объявить о внутренней конверсии. Это был стабилизирующий якорь, который не давал ценам выскочить за определенные границы. Вместо приобретения своих слишком дорогих товаров всегда можно было приобрести за доллары импортные, и это сдерживало внутренний рост цен. К тому же, несмотря на повышение внутренних цен, польское правительство длительное время сохраняло стабильным валютный курс злотого.

Говоря о различиях в условиях проведения реформ у нас и в Польше, следует подчеркнуть то обстоятельство, что их правительство в тот период — правительство Мазовецкого — пользовалось широкой поддержкой у народа, состояло из хорошо известных в обществе лидеров. Это было правительство народного доверия. Что же касается нашего правительства, то мандат доверия Ельцину в то время не вызывал сомнения, но остальные члены правительства были просто неизвестные нам люди, и говорить, что они имели широкую социальную базу, просто не приходилось. Сам президент при этом поставил себя в очень сложное положение, так как, не будучи специалистом, полностью принял ответственность за весьма авантюристический курс: просто доверился людям, которые убеждали его в успехе дела.

Чтобы закончить сравнение нашей и польской реформ, надо остановиться на еще одном моменте — на заработной плате.

Поляки установили довольно жесткие нормы на увеличение фондов заработной платы. Та либерализация зарплаты, которая у нас не только была провозглашена, но и осуществлена чуть ли не как главное средство спасения, в Польше не допускалась. И удар по жизненному уровню не был столь сокрушительным, как у нас. Сразу после освобождения цен покупательная способность месячной зарплаты среднего поляка соответствовала примерно 100 долл., а у нас 10, а теперь — 15–20 долл.

Таким образом, можно сказать, что и экономические, и социальные условия для проведения реформ в Польше были значительно лучше, а степень управления преобразованиями — гораздо выше. И при всем этом итоги польской реформы на настоящий момент отнюдь не однозначны. Ее социальные издержки все-таки оказались очень велики: сохраняется политическая нестабильность, резкое падение производства преодолевается с очень большим трудом и т.д. Другими словами, говорить о том, что шокотерапия в этой стране себя полностью оправдала, мы не можем. Хотя терапия там тем не менее была. Да и в других странах Восточной Европы та или иная мера болезненного действия сопровождалась терапевтическим эффектом, в то время как у нас пока все свелось к шоку как таковому. И морально-психологические последствия его крайне разрушительны.

Мы видим, какая волна преступности поднялась в стране — законом пренебрегают везде, где могут. Но не менее страшно и другое — обнищание населения, когда 90% оказались за чертой бедности и едва сводят концы с концами, а многие начинают недоедать. В этих условиях люди лишаются мотиваций к труду. Они сейчас в принципе лишены возможности заработать деньги на то, что ранее в состоянии были купить: телевизор, холодильник, мебель, кооперативную квартиру; был и немалый процент семей, способных накопить на автомобиль и т.д. Теперь, когда такая возможность потеряна, возникает естественный вопрос: какой смысл выкладываться? Вот эта крайне негативная

особенность современной жизни, наряду с огромным соблазном, а иногда и просто необходимостью где-то что-то ухватить, украсть, прямо ведет к моральной деградации, разрушению элементарных норм человеческого общежития, а в конечном счете и к разрушению государственных основ. Опасная политическая неразбериха является отражением такой ситуации, а не причиной.

Таков в целом итог концепции реформирования, основанной на тезисе: главное — решительно начать, а с чего — не важно. Сегодня ясно видно, что это авантюризм, видно уже широким массам. Но и я, и другие ученые с самого начала об этом предупреждали. Причем вот это стремление — быстро и очень решительно начать — выходило даже за границы элементарного здравого смысла. Некоторые просчеты настолько очевидны, что, кажется, поручи эту реформу проводить школьнику, и то он такого бы не сделал.

Все помнят, что в качестве одной из главных, если не главной макроэкономической задачей была определена стабилизация рубля, ликвидация так называемого денежного навеса. Но это предполагали делать, не имея под своим контролем центры кредитной эмиссии. Печатание денег сосредоточено в России и находится под воздействием российских властей. А вот кредитная эмиссия была во многом вне контроля. Республиканские банки выдавали кредиты как им заблагорассудится. Кредитные и наличные деньги из республик хлынули в Россию, поскольку республики объявили о своем желании иметь собственную валюту. Стал происходить сброс денег и выкачивание из России материальных ценностей. То, что это произойдет, было заранее известно. На эти последствия, как и на все то, что связано с падением материального производства, обнищанием населения и т.п., многие специалисты заблаговременно указывали правительству.

Мне доводилось также высказывать эти опасения в беседах с Ельциным, Гайдаром, на встречах с членами правительства. Однако это не имело ровным счетом никакого воздействия, не воспринималось. В качестве единственно возможной экономической модели провозглашалась чисто монетаристская модель, которая пропагандируется фридмановской школой и Международным валютным фондом, но как раз на практике в чистом виде нигде не применялась. Тем не менее наше правительство стало именно на такой путь, и он оказался не просто малорезультативным, а крайне опасным. Следуя логике «невидимой руки рынка», которая сама все расставит на места, стали последовательно размывать государственную систему управления, выводить экономику из-под государственного ведения.

Основные усилия были сосредоточены в связи с этим на двух направлениях. Во-первых, на скорейшем исключении из сферы государственного влияния промышленных предприятий. Независимо от того, рентабельные ли это предприятия или будущие банкроты, главное — сбыть их побыстрее через акционирование. Во-вторых, центр начал устраняться от региональных проблем. И то и другое очень опасно, и эта опасность не замедлила проявиться. Многие предприятия, оказавшись вне регулируемой государством общей воспроизводственной цепочки, потеряли способность не только нормально развиваться, но и просто функционировать. А брошенные на выживание регионы стали дистанцироваться от бесполезного центра, который к тому же тянет из них налоги. Но ведь для того, чтобы самостоятельно выжить экономически, нужно иметь и политическую самостоятельность, то есть поведение Центра подогревало сепаратистские тенденции, которые уже ранее присутствовали в некоторых регионах.

Поэтому мы сейчас переживаем кризис государственности, кризис легитимности: у граждан России — это уже отмеченная потеря мотиваций к честному труду, рост враждебности к закону, утрата доверия к институтам власти. На уровне Российской Федерации происходит развал — беспомощность государственных институтов, грозящая потерей всего того, что образует государственную целостность.

Что кризис государственности при таких правительственных действиях неизбежен, тоже прогнозировалось, поскольку Россия всегда управлялась союзными структурами. С их разрушением качество управления очень резко упало, и тем сложнее теперь выходить из создавшегося положения.

— ***Что делать для изменения экономической ситуации?***
— Делать нужно очень многое, и подробный разговор об этом не уложится в одну беседу, но сразу можно указать на то, что нужно делать в первую очередь.

Необходимо безотлагательно восстанавливать государственные функции в том объеме, который соответствует международному опыту и практике государственного строительства, а не рождается из абстрактных либеральных концепций. У государства на данный момент существует ряд однозначных задач, которые, как бы от них раньше ни уклонялось правительство Гайдара, не решать невозможно.

Прежде всего это социальная защита населения и социальная переориентация реформ. Здесь важно подчеркнуть, что государство выступает представителем всего народа, а не каких-то отдельных групп: предпринимателей, посредников или еще кого-то. Поэтому позволить довести тот или иной общественный слой до бедственного положения государство не имеет права. Как не имеет права создавать исключительные условия для отдельных общественных групп.

Государство должно не только устанавливать строгие правила и законы поведения в условиях рынка, но и обеспечивать их неукоснительное соблюдение, укреплять финансовый контроль, бухгалтерский учет, следить за соблюдением качественных стандартов и т.д. Отказ со стороны правительства от такой формы контроля означает сознательное поощрение полукриминальной активности. Государство оказывается как бы на службе у полукриминальных или криминальных структур, а следовательно, пере-

стает быть государством, так как уже не выражает интересы всего народа — в данном примере его подавляющего большинства. Такая ситуация, а она в том или ином виде распространяется на многие виды предпринимательства, должна быть немедленно исправлена.

Необходимо восстановить государственные функции по защите граждан от преступности, по защите россиян, оказавшихся за пределами страны, по обеспечению доступности образования, медицинской помощи, приемлемой экологической обстановки. Каково состояние дел по каждому из этих пунктов, увы, слишком хорошо известно.

Наконец, государство является еще и собственником и обязано этой собственностью управлять — управлять в интересах всех своих граждан. Обвальная приватизация грозит утратой этой управляемости, а приобретение коллективами предприятий общенационального значения 51% капитала может породить групповой эгоизм, желание увеличить потребление в ущерб капиталовложениям, затруднит сокращение излишней рабочей силы.

Для преодоления кризиса государственности и легитимности все перечисленное должно быть срочно выправлено.

Не менее срочные меры требуются по предотвращению инфляции. Но я боюсь, что антиинфляционные действия планируются сейчас в неверном направлении. Чтобы это понять, нужно вспомнить, что к 1990-м годам у нас уже давно наблюдалась скрытая инфляция, состоявшая в значительном преобладании денежных средств над товарной массой. На протяжении многих лет в правительственной и научной среде шел разговор о том, как привести в соответствие эти две компоненты — денежную и материальную. Самый простой путь — освободить цены; другой, более сложный, но в социально-экономическом отношении значительно более эффективный — увеличить товарную массу. Такое увеличение могло бы быть осуществлено за счет государственного имущества, к которому относятся земля, леса, недра, производственные фонды. Определенную их часть можно было бы относительно быстро ввести в рыночный оборот, в той или иной форме приватизировать, но, конечно, проще и быстрее было отпустить цены.

Действительно, это привело к тому, что лишних денег не стало. Но вместе с этим не стало и трудовых накоплений у населения, оборотных средств и фондов развития у предприятий. Сама по себе такая легкость в обращении с людьми и производством оправдывалась лозунгом «Реформа невозможна без жертв». Хотя вот в Китае реформы вполне успешно проводили без ощутимых экономических потерь, наоборот, при быстром повышении жизненного уровня населения.

Что произошло потом — хорошо известно. Инфляция не только не прекратилась, но и стала стремительно нарастать. И опять же по понятной для всех специалистов причине. Инфляция по своей природе неоднозначна и может порождаться не только «денежным навесом» (избытком в обществе платежных средств), но и ростом издержек, который происходит под влиянием многочисленных факторов. Это хорошо известное в мировой экономической практике явление. Оно возникает прежде всего вследствие вынужденного повышения заработной платы, роста налогов, отказов промышленности в бюджетных дотациях, которые заставляют повышать цены, искусственно завышать валютный курс и т.д. Запустив все эти механизмы инфляционного действия, правительство оказалось бессильным найти способы противодействия им.

Сейчас инфляция, а точнее уже гиперинфляция, становится экономическим бедствием, тем более что дополнительным усиливающим ее фактором являются инфляционные ожидания и предприятий, и простых потребителей.

Хуже всего то, что в основе антиинфляционных действий нового правительства, которые предлагаются вице-премьером Б. Федоровым, та же монетаристская схема — ужесточение кредитной политики путем повышения кредитных ставок, всяческое сдерживание денежной массы и т.п. Бороться с указанным типом инфляции — инфляцией издержек — только такими средствами недостаточно. Более того, подобные попытки приведут к обратному результату: цены будут расти, вбирая в себя налоги, высокий процент за кредит, инфляционные ожидания, а рынки сбыта товаров могут при этом только сужаться, поскольку платежеспособный спрос не будет поспевать за ценами. Производственные мощности останутся незагруженными. Уже сейчас население тратит все деньги на еду, не имея возможности покупать промышленные товары. Как могут развиваться соответствующие предприятия? Точно так же лишившиеся фондов развития и других накоплений заводы не в состоянии приобретать производственные ресурсы, давать работу машиностроению. Не обновляя и не расширяя производственные мощности, они неизбежно начнут сокращать выпуск продукции, платежи налогов и дальше питать инфляцию.

Выход, на мой взгляд, только один. Нужна другая стратегия. Необходимо, прибегая даже к административному контролю, сделать рыночные преобразования более постепенными, научно обоснованными, человечными. Введение такого контроля над экономикой должно стать следствием общественного договора, осознания того, что без восстановления всех перечисленных ранее государственных функций, административных мер помощи материальному производству не может быть не только движения к рынку, но и государственного существования России.

— По замыслу реформаторов, в центре сегодняшних преобразований стоит приватизация. В какой степени ее настоящий вариант служит построению цивилизованных рыночных отношений?

— Я считаю, что этот вариант не отвечает указанной задаче. Более того, он является миной замедленного действия, которая может привести в дальнейшем не только к экономическому, но и к социальному взрыву, возможно — к но-

вому переделу имущества. В том, что сейчас с приватизацией происходит, ясно прослеживается желание побыстрее „сбросить" государственную собственность, поскольку предполагается, что она всегда менее эффективна, чем частная. Наша обвальная приватизация, пожалуй, не знает аналогов. Риск негативных последствий для производства и его эффективности при такой крутой и единовременной ломке отношений собственности очень велик.

Разгосударствление и передача гражданам собственности — дело исторически наиболее ответственное и проводиться должно крайне взвешенно. Часть имущества нашему обездоленному населению должна, конечно, быть передана даром, в том числе с использованием ваучеров, но, разумеется, не в такой примитивной форме. Наряду с этим следует применять выкуп. В первую очередь по отношению к мелким предприятиям, торговым точкам, мастерским, ателье. И главное в том, что это распределение собственности должно отвечать представлениям о социальной справедливости и работать на рост благосостояния граждан, либо способствуя росту производительности труда, либо непосредственно удовлетворяя потребности (например, передача в собственность квартир, огородных и дачных участков). Если же собственность, побывав какое-то время у населения в форме ваучера, окажется потом у всяких монопольных или криминальных структур, может произойти именно то, о чем я уже сказал.

Существует еще одна опасная тенденция в современных методах приватизации, которая заключается в одномоментной передаче хозяйственных объектов их коллективам с последующим постепенным выкупом.

Мировая практика знает этот способ приватизации, и известно, что его нельзя применять тотально. В США, например, в таких условиях трудится очень небольшой процент предприятий. На мой взгляд, это опасный путь, если его абсолютизировать и применять без разбору, так как он может привести к проеданию капитала. Люди, которые получают в свое распоряжение основные фонды, часто не уверены, что они будут работать здесь всю жизнь. И стремятся отдать предпочтение росту текущих доходов, то есть потреблению, а не развитию своего производства. И это уже можно легко наблюдать сегодня в нашей жизни. В прессе недавно прошла информация о том, что происходит на северных шахтах, куда люди приезжают на несколько лет, чтобы заработать и вернуться к более нормальным условиям существования. Там свобода на реализацию продукции используется для приобретения ширпотреба, а отнюдь не для установки нового оборудования, защитных средств и т.п. И какого директора выбирают такие коллективы? Разумеется, такого, который всему этому потворствует. И сама эта практика по избранию директора коллективом ничего общего с мировым опытом и тем, что называют цивилизованным рынком, не имеет. Наоборот, государство использует свое влияние, чтобы у руля крупнейших предприятий на всех важных участках общественного производства стояли компетентные, заслуживающие доверия люди.

И еще об одной грустной стороне нашей приватизации. Она проводится без какой-либо реальной оценки приватизируемого имущества. В Германии на территории бывшей ГДР все предприятия перешли в распоряжение государственного ведомства по опеке, которое тут же стало проводить полную оценку фактической балансовой стоимости их имущества. У нас это имущество идет бесконтрольно, очень часто за бесценок. При этом по второму типу приватизации коллектив может выкупать контрольный пакет акций по фиктивной цене, а это значит, что крупные хозяйственные объекты, занимающие узловые позиции в отраслях или региональных хозяйственных комплексах, могут обособиться и шантажировать общество, выставляя ему любые экономические условия. При несогласии они прекрасно проживут, распродавая имущество. К чему такой доведенный до крайности либерализм может привести?

О различных негативных моментах нашей приватизации я бы мог еще говорить долго, но в заключение хочу остановиться на самом главном — на социальной и морально-психологической стороне растаскивания государственного имущества. Прежде всего сейчас порождаются новые социальные противоречия, которых не было до сих пор. Льготы для работников предприятий и условия, в которые поставлены государственные служащие, делают тех и других слишком неравными участниками при распределении государственного имущества. Учителя, врачи, научная интеллигенция, чиновники получают долю в имуществе, составляющую жалкие проценты от того, что получает тот, кто проработал на предприятии хотя бы несколько месяцев. Это нарушает элементарные нормы социальной справедливости. С другой стороны, они нарушаются по вертикали, поскольку руководство предприятий и официально (по первому и третьему вариантам приватизации), и в силу снятия государственного контроля имеет самые широкие возможности к обогащению путем прямого имущественного захвата. Отсюда два очень скверных следствия. Во-первых, деморализация общества, потеря всякой веры в то, что можно жить честным трудом, и, соответственно, поиск иных путей. Во-вторых, противопоставление людей друг другу, оскорбление части общества, остающейся „за бортом", исключает национальное согласие, без которого Россия как государство может просто в ближайшее время в той или иной форме прекратить существование.

— ***Как же все-таки сохранить Россию?***

— Нужны большие коррективы, точнее — принципиальные изменения курса. Я никак не могу согласиться с тем, что наши „архитекторы" реформ и есть единственные настоящие реформаторы, а тот, кто высказывает несогласие, предлагает другие пути решения, — отряд консерваторов, призывающих к реставрации старого экономического порядка. Если и дальше стоять на такой точке зрения и чисто по-большевистски навязывать людям то, чего они не понимают, мы обречены на неудачу. Нужна стратегия национального согласия».

Читая сегодня этот текст, задаешься вопросом: почему по прошествии почти двух десятилетий, выявивших со всей очевидностью изъяны гайдаровских реформ, власти не готовы признать возможность альтернативного курса? Его предлагали в совместных заявлениях авторитетные российские экономисты и ученые из США, в том числе лауреаты Нобелевской премии по экономике. Так, накануне президентских выборов 1996 г. мы опубликовали совместное обращение под названием «Новая экономическая политика для России». В нем говорилось: «Какого бы кандидата ни предпочел российский народ, новому президенту придется принимать жизненно важные экономические решения. Поэтому мы хотели бы представить на рассмотрение будущему президенту наши предложения по существенному изменению экономической политики России».

В совместном заявлении от 2000 г., подписанном академиками Л. Абалкиным, Г. Арбатовым, О. Богомоловым, В. Ивантером, Д. Львовым, В. Макаровым, А. Некипеловым, Н. Петраковым, А. Ситаряном и другими, а со стороны США лауреатами Нобелевской премии по экономике Л. Клейном, Ф. Модильяни, Д. Нортом, профессорами М. Гольдманом, М. Интрилигейтором и другими, говорилось: «Экономические реформы в России нуждаются в новом старте... Вот почему мы выносим на рассмотрение президента Путина и правительства России новую повестку дня для экономических реформ». В ней поставлен «вопрос об усилении государства, с тем чтобы оно могло играть более активную роль в экономике». В обращении мы писали, что «увеличение производства, а не снижение инфляции практически до нулевого уровня должно стать первоочередной задачей государства...», «должны быть приняты согласованные меры по прекращению незаконного вывоза капиталов... следует укреплять покупательную способность населения, уделять больше внимания... усилению спроса на российские товары, воссозданию общего социального капитала... способствовать разработке масштабной программы... дорожного строительства и других инфраструктурных отраслей». И далее: «Руководящая роль государства необходима для того, чтобы Россия могла реализовать свой потенциал в информационной экономике... и высокотехнологичных сферах». «Только государство может обеспечить справедливое распределение выгод от нового экономического порядка... Для уменьшения дифференциации доходов и снижения социальной напряженности необходима эффективная система прогрессивного налогообложения».

Реакции верхов на эти предложения не последовало. Только в последнее время некоторые из них попали в повестку дня президента и премьера. Но и 10, и 20 лет тому назад обо всем этом писали и говорили многие экономисты и политики, тщетно рассчитывая если не на принятие, то хотя бы на обсуждение с представителями власти назревших проблем. И все же в последних событиях можно усмотреть косвенное признание допустимости альтернативного курса экономической политики. Но упущено драгоценное время, потерян шанс на быстрое оздоровление экономики и общества. Стране пора извлечь уроки из своего печального опыта последних 20 лет. ЭС

ПЭС 11190/24.11.2011

Литература

1. Нужны не дискуссии, а действия. Экономическая реформа: поиск решений. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы. 13–15 ноября 1989 г. М., 1990.

2. Богомолов О.Т. Интервью «Неделе» — в воскресном приложении к газете «Известия». 1990 (1–7 января).

3. Богомолов О.Т. Моя летопись переходного времени. М.: Экономика, 2000. С. 56.

4. Der Spiegel.1992. № 2.

5. За рубежом. 1992. № 2.

6. Богомолов О.Т. Моя летопись переходного времени. М. Экономика, 2000. С. 149–151, 153–154.

7. Правила игры. Fair play 1993. № 1.